

Невероятно, но факт

Подошло время сбора клюквы, которая в изобилии водится на мху качающихся берегов с густым, местами непролазным камышом, тихой и неширокой речки Баган, разрезающая местное болото на две части. Торфяной покров, образованный отмершим камышом, осокой, мхами, поднимается по ловодьем, становясь непроходимым, и лишь со спадом воды в округе, ближе к осени, ложится на дно. Вот тогда по нему можно ходить в спецобуви – болотных сапогах.

Этот болотный «батут» – идеальная природная среда для роста клюквы. В один из засушливых годов я облазил многие труднодоступные участки местности, где, похоже, никто и никогда не был, и находил там различные сорта ягоды: от синей и мелкой, как горох, до крупной – багряно-красной, похожей на садовое яблочко.

Несколько лет подряд, в компании друзей, мы ездили в эти края, где, кроме ягоды, собирали в местных лесах грибы, рыбачили и купались в речке. Наш лагерь располагался возле облюбованного околка на границе болота, с большой сосной, возвышающейся над взрослыми осинами. Каким ветром и в какие времена занесло сюда, в гущу осинника, семя сосны, но из него выросла эта красавица, служившая нам ориентиром. Всем нравилось это место, с обилием сухостоя для костра, недалеко от воды и защищённое от пронизывающих осенних ветров...

В эти дни мне повстречался парень, родственники которого живут в Баганском районе. Он поведал, что его братья недавно ездили на разведку в болото, но ягоды там не нашли. Видимо, на неё нынче не урожай.

Опечаленный услышанным, спешу поделиться информацией с друзьями. Обсудив ситуацию, все они отказались от заранее намеченной поездки за клюквой, кроме одного напарника, неразлучного со мной в любых поездках на природу. Риск – благородное дело! Мы рискнули, собрались и вдвоём, на автомобиле «Волга», с первыми лучами солнца, на следующий день махнули на встречу с удачей... За час до полудня прибыли к конечной точке намеченного маршрута на нашу «базу».

На большой поляне, окружённой берёзовыми и осиновыми околками, сиротливо стоял стог сена. Он был смётан давно и, обласканный временем и погодой, осел так, что его вицы едва не касались отросшей отавы.

Погода, вопреки предсказаниям синоптиков, была не по-осеннему тёплой. Лёгонький ветерок играл с единственным в небе облаком. Перекусив, мы подъехали к болоту, где в прежние времена была стоянка разнообразного транспорта любителей сбора ягод. В этот раз здесь пусто... ни единой души, ни машины... Достаём из багажника необходимые вещи и переобуваемся в болотные сапоги. Накачав резиновую лодку, установив сидения и вёсла, укладываем нужный нам скарб и по блестящей в разрывах торфяного покрова воде, с трепещущей душой от ожидаемого, плывём к клюквеннику.

Занимаясь заготовкой на зиму сладких и сочных корней камыша, стаскивая их в свои «хатки», ондатра безбоязненно пересекла нам путь. С небольших островков плавающего торфяника взлетали болотные кулички. Над водой барражировали стрекозы. «Смотри, Николаич... – говорю напарнику. – А птица-то и ондатра здесь непуганая...». Продолжая работать вёслами, он промолчал...

Водный разрыв закончился, и лодка упёрлась в «причал», откуда, затянутые свежим мхом, разбежались в разные стороны едва приметные старые дорожки.

Люди здесь были. Прямятая осока, следы обуви, цепочкой кружившие по обширному моховищу, указывали на это, а вот ягоды на нём действительно не видно, лишь только камыш сочувственно кивал нам своей метёлкой, да вдалеке едва просматривались несколько карликовых берёзок и молодых сосёнок.

Выходим из лодки, прячем её в камышах и, взяв с собой рюкзак и ведра, идём к моим обнадёживающим местам. Проходим через несколько пустых участков и только там, куда с трудом пробрались через стену густого камыша, нас встречает удача! – «ковёр» из крупной, спелой, грушевидной ягоды!.. Радости нет предела!.. Наш риск был оправдан. Набрав по два ведра и, в охотку, до оскомины наевшись нашей «радости», вернулись к лодке.

На сегодня у нас ещё была запланирована рыбалка. После небольшой передышки и бурных обсуждений случившегося «чуда» берём лодку, удочки и пробираемся к речке. Находим подходящую заводь и, разместившись на сиденьях в лодке, забрасываем в реку снасти. У меня тотчас поклёвка! Приличных размеров серебристый карась трепыхается на крючке!.. Ура! Уха будет! Друг с завистью смотрит в мою сторону, поздравляя с «почином». С каждым забросом я вытаскиваю по рыбке, а у Николаевича – тихо... Он забрасывал наживку в разные места, менял глубину, плевал на червя... ничего не помогало. Поменялись с ним удочками, местами в лодке, результат прежний... Наконец терпение его лопнуло и, смотав леску, он запросился в лагерь. Я уступил его просьбе.

Вечер прошёл в бурной, но не совсем радужной обстановке. Друг никак не смог забыть и выяснить причину его неудачи на рыбалке.

Следующий день пролетел быстро и без эксцессов. На третьи сутки, ранним утром, я обратил внимание напарника

на то, что вороны, живущие в окошках, сегодня переключаются между собой иначе. «Как это... иначе?.. Каркают да и каркают...» – ответил он. «Э..э...э... Нет! Прошедшими днями они каркали по два раза, а сегодня – три и протяжно, призывно, словно следует чего-то ожидать. Ладно... поживём... увидим...». Николаевич только пожал плечами.

День опять выдался ясным и тёплым. На небе ни облачка, лишь яркий диск светила одиноко сиял в пустоте. На ягольнике мы разделись до пояса и, нежась в щедрых на «ласку» лучах, радовались звенящей тишине, безветрию.

Ближе к обеду, из всех окошков, окружающих болото, начали вылетать вороны... Их число всё возрастало и возрастало. Образовав зловещую, огромную галдящую тучу, они скопом взмыли вверх, в бездонную синеву, где мгновенно рассыпались горохом, откуда чёрными каплями дождя хлынули к земле. Нет – это не дождь, а настоящий камнепад... Невероятный гул, свист крыльев, вой ветра, усиливающийся гвалт леденили душу. Оцепеневшее тело инстинктивно вжималось в мох. Стало жутковато. В голове промелькнула мысль: «Неужели это массовое самоубийство?»

Но в нескольких метрах над камышом стая вновь взмыла в небо, бешено закружилась, свиваясь спиралью, сбиваясь в кучки, распадаясь на части... Затем, образовав огромную, сужающуюся воронку, подобно смерчу, кружась и извиваясь, с невероятными воплями устремилась к земле... О, Боже... Забыв про ягоду, мы зачарованно смотрели на вороньи выкрутасы. Этот «шабаш» продолжался не менее получаса, затем, умолкнув, «артисты» длинной цепочкой скрылись за горизонтом. Ошеломлённые увиденным, мы медленно приходили в себя. «Вот это кино!.. Такого мракобесия я в своей жизни ещё не видывал», – с трудом выдавил из себя Николаевич. «Да!.. Я тоже этим ошарашен...» – поддерживаю его.

После обсуждения увиденного, теряясь в догадках, мы продолжили собирать клюкву, опасливо поглядывая в сторону улетевшей стаи.

Больше происшествий не было. Погода не изменилась, и к вечеру мы благополучно вернулись в «лагерь», поужинали, прибрались и начали готовиться к ночёвке.

Надвигались сумерки. Отсутствие каждодневной вечерней птичьей суеты, необычная тишина в округе, предчувствие чего-то нехорошего угнетало меня. Я предложил напарнику, на всякий случай, переехать ночевать в другое место, поближе к стогу сена. «Бережёного и бог бережёт». Он согласился и отогнал машину к середине поляны. В этой поездке мы ночевали в салоне авто, разложив сиденья, набросав на них шмуток, укрываясь спальными мешками. Нас ведь было всего лишь двое. Так безопасней, и дождём не намочит, и за автомобиль не боязно.

Дрёма почти сморила нас, но сон был нарушен неожиданно сильным, шквалистым порывом ветра. «Волгу» закачало из стороны в сторону, словно матрёшку. Хлынул ливень, началась гроза. Через сплошные потоки воды по стёклам авто невозможно было разглядеть то, что творилось снаружи. Ветер неистовал. Хлёткие раскаты грома, ослепительно-шипящий блеск молний, треск и грохот падающих деревьев сотрясали округу. Природа словно взбесилась.

С замиранием сердца, чувствуя себя ничтожной частицей в тисках разбушевавшейся стихии, молим небесные силы о пощаде... От чудовищных раскатов грома, душа уходила в пятки, страх парализовывал тело. О сне невозможно было даже мечтать.

Ураган бушевал всю ночь и лишь под утро унялся, хотя капли дождя ещё долго барабанили по машине. Усталость

сморила нас, и мы на некоторое время забылись, а очнувшись – ужаснулись увиденному.

Околка, что рос на краю поляны и служил надёжной защитой от ветров, как будто никогда и не было, а на открывшемся горизонте серело необъятное поле полёгшего камыша. От нашего базового леса ничего не осталось, лишь кое-где торчали из земли островерхие колышки поломанных в щепки осин и обугленный огарок сожжённой молнией сосны. На месте бывшей парковки автомобиля валялись вывороченные с корнем деревья, толстые сучья осин, макушки берёз...

Выйдя из машины, мы не увидели стога сена... Его клочки размётены по всей поляне, залитой по щиколотку водой...

Нам несказанно повезло. Видимо, небо вняло нашим молитвам. Ни один сучок не долетел до автомобиля... Ураган пронёсся полосой. Весь лес, находящийся с левой стороны от поляны, был переломан и исковеркан, а правая сторона потрёпана, но целая.

Обойдя вокруг и убедившись, что машина в порядке, Николаевич подошёл ко мне, внимательно посмотрел в мои глаза и, пожав руку, сказал: «Ты – настоящий друг! Я с тобой поеду хоть на край света! Уверен в тебе на сто процентов, не подведёшь!» – «Спасибо! А я вот что думаю. Природа – это тоже живой организм. Здесь всё взаимосвязано и мудро, и нам необходимо лишь быть внимательней, учась у неё, как у матери».